

Петровича хоронили в субботу. День был из тех, что он всегда любил: высокое, голубое настолько, что казалось прозрачным, небо и холодное осеннее солнце. Виталий, хрустя ногами по затянувшему лужи тонкому льду, мрачно подумал, что наставнику бы понравилось...

А вот могила подкачала. Грунтовые воды здесь близко, и на дне скопилось воды примерно по щиколотку, тоже уже подернутой ледком и стылой даже на вид. Хорошо еще, не как на старом кладбище. Там, по слухам, покойных опускали в воду, и гробы плавали. Впрочем, мертвым уже все равно, а родственники в подобный момент не в том состоянии, чтобы шумно протестовать. Возмущение материализуется в мысль и действие несколько позже, но после драки, как известно, кулаками не машут.

Жена Петровича, сухонькая, низкорослая женщина... Когда он был жив, она ему едва доставала до плеча. Сейчас вдова, кажется, стала еще меньше ростом — ссутулилась и, такое впечатление, еле держалась на ногах. Хоть бы стул догадались

взять, что ли... Еще хорошо, дочь поддерживает. У нее оказалось удачное сочетание генов: ростом — в отца, а телосложением — в мать. Не отходит от нее ни на шаг. Ну а больше родственников и нету. Хиленькая толпа человек в двадцать — это в основном, сослуживцы и пара-тройка примазавшихся соседей. Судя по затрапезному виду, из тех, что пришли не столько из большой любви к покойному, сколько желая пожрать, а точнее, выпить на халяву. Вполне, кстати, ожидаемо. Ведь сам Петрович детдомовский, а родня жены сюда не попрется — украинцы, млин... Впрочем, покойный с ними никогда не ладил, так что все логично.

Оставаться дольше положенного не хотелось. Вот забарабанили комья земли по крышке гроба, вот кладбищенские землекопы, сноровисто орудуя инструментом, приступили к исполнению своих обязанностей... Десять минут — и все, только холмик и деревянный крест. Был человек — и нет человека.

Собравшиеся потянулись к наскоро сооруженному столу, выпить и закусить, а Виталий, зябко передернув плечами, зашагал к своей машине. Плюхнулся на широченное сиденье еще не успевшего остыть внедорожника, врубил двигатель и подогрев. Проклятье, ну почему на кладбищах всегда так холодно? Поневоле задумаешься над словами тех, кто утверждает, что в таких местах грань между нашим миром и чужим становится тонкой и практически стирается. Хотя, возможно, все это лишь игра воображения.

Взрыкивая двигателем, машина уверенно проползла изрытую жутковатыми на вид ямами грунтовку между кладбищем и шоссе, после чего выбралась на асфальт. Счастье еще, движения практически нет. А потом — вдавить до упора педаль и погнать машину в сторону города, чтобы ощущение скорости размазало скопившийся на душе негатив.

Перегон и впрямь чуточку поднял настроение — Виталий всегда морально отдыхал за рулем. Давишь на газ — и не думаешь ни о чем, кроме дороги. Тем более дорога свободна, ГАИ — он знал это точно — нету, лети и лети себе. Двадцать километров он проехал за неполные десять минут, и лишь подъезжая к городу, сбросил скорость. Все же здесь и поток был чуточку плотнее, и жрецы бляхи и полосатой палочки могли встретиться. К тому же местами на асфальте присутствовал ледок, а многие еще не поменяли летнюю резину и поэтому ехали совершенно непредсказуемо. В общем, не стоило рисковать.

Университет встретил его блеском недавно вставленных стекол, еще не захватанных шаловливыми студенческими ручками до полного безобразия, и густым ковром из свежееопавших листьев. Красные — рябина и осина, желтые — береза, и все это было припорошено сверху хвоей только начавшей сбрасывать летний наряд лиственницы. И, что просто здорово, не было проблем с парковкой — Виталий из-за похорон сам перенес занятия на более позднее время и в результате добрался

раньше студентов. Замечательно, а то потом наставят своих агрегатов — велосипед не приткнуть. Давно пора ограничить для них стоянку, но ректор, известный своим лояльным отношением к подопечным, не соглашался. Впрочем, плевать.

Откровенно говоря, Виталий здесь не работал, а, скажем так, подрабатывал. Во-первых, жил один, а потому имел свободное время, которое жаль было терять бездарно, во-вторых, уже вошел в тот возраст, когда начинаешь задумываться, кто же придет следом, ну и, в-третьих, имел с этого невеликую, но все же копеечку. По сравнению с основной зарплатой ничто, но все равно приятно. Плюс, читая лекции, поневоле изучаешь какую-то литературу, а стало быть, не останавливаешься в развитии. Словом, имел он с университетом взаимовыгодное, не слишком обременительное сотрудничество и не собирался его прерывать.

— Мужчина!

Виталий спокойно (он все делал спокойно и обстоятельно) закрыл дверь машины, бухнувшую мягко, но солидно, и повернулся на крик. Две женщины, одна толстая и растрепанная, вторая худая, но тоже растрепанная, шустро направлялись в его сторону. И Виталий мог поклясться, что ни одна из них ему не знакома.

— Проблемы?

— Да, — толстуха неслась к нему с грацией асфальтового катка. — Ей надо на вокзал.

«Ею», судя по резкому и неожиданно быстрому для такой слонихи жесту, была ее субтильная спут-

нища. Виталий удивленно посмотрел на машину, может, там какой-то шутник шашечки прилепил? Однако никакого компромата не обнаружилось, и он пожал плечами:

— Пусть вызовет такси.

— Денег нет.

— А при чем тут я? — искренне изумился Виталий.

— Ну что вам, сложно?

— Лень.

Это был честный ответ. Помощь первому встречному никогда не входила в число его жизненных приоритетов. Одно дело, если благородство тебе ничего не стоит — ну там дверь придержать или, с дачи выезжая, соседа безлошадного подхватить, но лишний раз напрягаться... Зачем? Поэтому он кликнул сигнализацией и потопал к университету, пропустив мимо ушей злобное «козел». До мнения колобка на ножках ему не было никакого дела.

Несмотря на то что время близилось к полудню, студенты были сонные и вялые, как мухи. К такому настрою Виталий не привык — занятия у него всегда проходили бодро, он умел заинтересовать аудиторию, да и знания у него, практика, выходили далеко за границы того, что мог дать обычный преподаватель. Но — не получалось. Возможно, тому виной было испорченное утром настроение, а может, что-то еще. Оставалось смириться с неизбежным и постараться вдолбить в пустые студенческие головы хоть что-то, и лишь к концу лекции

удалось немного их расшевелить, хотя вышло это в известной степени случайно.

А получилось все немного глупо, с одной стороны, и чуточку пошло — с другой. Минут за десять до звонка (звонки у них давно не подавались, все и так знали расписание, а вот речевой оборот остался) Виталий закончил тему и нарочито-бодрым голосом объявил:

— Запишите новую тему...

— Виталий Семенович, — тут же влезла староста группы, всегда и по любому поводу имеющая свое мнение. — Может, не надо? Пойдемте лучше спать...

— Девушка, — Виталий почесал нос, как обычно, измазанный мелом и оттого немилосердно зудящий. — Вам не кажется, что для вас я староват? Найдите себе для сна кого-нибудь из своей группы, что ли...

Последние слова утонули во взрыве смеха. Народ проснулся моментально. Студенты всегда предсказуемо (и чаще всего злорадно) реагируют на шутки, если их объектом становится товарищ. Даже негр, то ли из Чада, то ли из Нигерии, Виталий не помнил, обучавшийся у них по какому-то хитрому договору и с трудом понимающий порусски, ржал вместе со всеми. То ли языку все же обучился, наконец, то ли за компанию.

Девчонка с бурачного цвета лицом уткнулась носом в тетрадь. Виталию даже на миг стало ее жалко, но он легко подавил в себе это чувство. В конце концов, их кафедра всегда славилась

острым языком и умением пошутить на грани приличия. Весь университет знал, что здесь это, скорее, правило хорошего тона, и за языком стоит тщательно следить. Так что сама виновата, особенно учитывая, что успела испортить с преподавателем отношения.

Инцидент поднял настроение, и домой Виталий приехал бодрячком. Потрепал по лобастой голове радостно завертевшую хвостом собаку и бухнулся на диван. Сегодня стоило отдохнуть, а завтра с утра — на рыбалку! До отъезда на работу еще две недели, следующая лекция только в четверг, а значит, минимум три дня можно жить, как считаешь нужным, и предаваться блаженному ничегонеделанию. А учитывая, что сейчас как раз начинает скатываться рыба, упускать момент казалось глупостью.

Вообще, пора было разогревать обед, но Виталию не хотелось вставать. Вот полежит немного, и тогда... Из объятий незаметно подкравшегося сна его вырвал телефонный звонок. А на трескотню мобильного стоило отреагировать — просто из-за того, что кому попало этот номер Виталий не давал.

Давным-давно, когда платными были не только исходящие, но и входящие звонки, ему повадились звонить с рабочих телефонов. Когда со счета за неделю слетело больше тысячи рублей, притом что месячная зарплата едва переваливала за десятку, Виталий закономерно возмутился, однако на звонящих это не подействовало. «Мы же по

работе...» И тогда он сменил номер, заблокировал его, дабы у собеседников не срабатывали АОНы, и сообщал эти несчастные десять цифр только тем, кому доверял. Ну а раз так, звонили наверняка те, на чей вызов стоило отвечать при любых раскладах, и ради этого пришлось отрывать задницу от дивана и тащиться в кабинет, где на столе дребезжал дешевенький пластиковый возмутитель спокойствия.

Номер был незнаком. Очень интересно. Впрочем, может, это снова дурацкая реклама такси или страховая услуги навязывает. Механически вдавив клавишу, Виталий мрачно буркнул:

— Слушаю.

Телефон отозвался тишиной. С удивлением посмотрев на экран, Виталий убедился, что соединение не прервалось, но звука не было. А потом раздались короткие гудки. Ошиблись номером, наверное, или просто сбой и не проходит звук — когда номера принадлежат разным операторам, такое бывает. Для очистки совести подождав минуту, Виталий махнул рукой и отправился готовить обед. О звонке он тут же забыл, и, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

Из дома Виталий выехал рано утром. Машина бодро тащила прицеп с лодкой по безлюдной улице, а затем по такой же пустынной трассе. Разве что инспектор, сидящий в машине на выезде из города, проводил его равнодушным взглядом и вновь прикрыл глаза — таких, как Виталий, любителей рыбалки в их провинции хватало. А по-

том двигатель глухо зарычал, и тяжелая машина легко вышла на запрещенную, но все же приятную любому водителю скорость и понеслась по сухому, а потому абсолютно нескользкому асфальту, петляющему по лесу не хуже гадюки.

Два часа спустя он был на месте. Ну, почти на месте — оставалось километров пятнадцать, и здесь начиналось самое веселье. Съехать на неприметную, изрядно заросшую травой, сейчас желтой и пожухлой, отворотку — и вперед, топтать грунт. По этой дороге кроме него в последние годы вообще никто не ездил. Место от населенных пунктов удаленное, а последняя жительница подкошенной вначале советскими «укрупнениями», а затем окончательно добитой бардаком лихих девяностых деревеньки, к которой эта дорога вела, умерла лет пять назад. Так что людей здесь не было от слова совсем, зато имелась пара вполне пригодных для жизни домов, до которых, правда, надо было еще добраться.

Внедорожник, словно маленький танк, уверенно попер по заданной траектории. Несмотря на неказистый вид и общую убитость, застрять на давным-давно заброшенном проселке было проблематично. Грунт, песчаный и плотный, уверенно держал машину, а непролазной грязи не наблюдалось даже в сильные ливни. Просто никто об этом не знал, потому и не лезли. Ну а ямы... Что же, с ними приходилось мириться, тем более что всеядная подвеска и высокий клиренс делали езду если не комфортной, то вполне терпимой,

а могучая рама не позволяла угробиться кузову. Конечно, не разгонишься, но через полчаса Виталий был уже в своих владениях.

Да-да, именно так, это были его владения, безо всяких натяжек. Когда-то в деревне жили его, Виталия, родственники. Дальние, конечно, но так получилось, что хоронить пришлось ему. Вообще, ему везло на похороны. Ну а потом оформил наследство, за копейки прикупил бесхозные дома с прилегающей землей вокруг. Не то чтобы Виталия интересовал помещичий быт в глуши, но раз уж не просто предлагают, а чуть ли не насильно в руки впихивают, зачем отказываться? Тем более что таджики-гастарбайтеры задешево и вполне сносно отремонтировали в обоих домах крыши, а стены из лиственницы способны простоять не одно столетие. Вот и приезжал он теперь сюда на рыбалку или за грибами-ягодами, когда один, а когда и с веселой компанией, отдохнуть да водки попить вдали от цивилизации. В общем, о приобретении Виталий не жалел.

Заскучавшая (ну а что делать, если из развлечений только и оставалось, что большегрузы облаивать) собака молнией выскочила из багажника и тут же нырнула в ближайшие кусты, зашуршала опавшей листвой и поперла вокруг дома. Только нахально загнутый колечком хвост, словно пиратский флаг, торчал, указывая ее путь. Хорошая у зверюги жизнь, ни о чем беспокоиться не надо. А вот Виталию, прежде чем заниматься развлечениями, требовалось обустроить быт.

Огромный, чуть тронутый ржавчиной амбарный замок на двери открылся, как всегда, неожиданно для такой громадины легко. Дверь из крыльца в коридор столь брутальным украшением похвастаться не могла, но открылась куда тяжелее — видать, немного разбухла от влаги. Пахло нежилым, но это как раз было нормально. Зато в самом доме имелись огромная русская печь, запас сухих дров и прочие радости жизни, позволяющие сравнительно легко обеспечить комфортные условия существования. Спустя уже каких-то полчаса дрова весело трещали, из трубы валил жирный дым, а в комнате начало понемногу теплеть. Разумеется, кирпичам надо несколько часов, чтобы прогреться, но толику живого тепла печь уже отдавала. Оставалось подключить привезенный с собой компактный генератор, запустить его, проверить, все ли работает, и вновь заглушить — сейчас в электричестве не было нужды, зато вечером этот признак цивилизации придется очень кстати.

Вечерний выезд не принес особых эмоций — Виталий устал за день, а потому ограничился поставленными сетями и несколькими бросками спиннинга, на удачу. Река откупилась парой некрупных щучек — как раз на жареху, и на том, собственно, день закончился. Оставалось загнать в дом собаку (по чести говоря, комнатная лайка, набегавшись за день, и не протестовала), как следует закрыть дверь да лишний раз проверить ружье. Охотник из Виталия был никакой, он и не

увлекался этим, но в глуши может встретиться что угодно, вплоть до медведя, и двустволка являлась обязательным атрибутом всех его поездок.

Утром оказалось настолько холодно, что лужи промерзли до дна, а река подернулась у берега тонким ледком. Чудом уцелевший во всех жизненных коллизиях старомодный градусник за окном показывал минус шесть, а значит, ночью было все десять. Но в доме сохранилось тепло, а лодочный мотор, несмотря на свое китайское происхождение, взревел оглушительно-бодро. И река, кажущаяся по случаю безветрия застывшим зеркалом, выглядела замечательно. Приплюснутый форштевень моторки резал-сминал эту картину, как варвары — Рим, и спустя каких-то двадцать минут на дно лодки уже летело вытряхнутое из сети живое серебро. Красота!

Увлеченный работой, он и не заметил, откуда появилась вторая лодка. Скорее всего, она плыла по течению, не запустив двигатель, во всяком случае, мотор он услышал, когда тот взвыл совсем рядом. Буквально через несколько секунд в поле зрения появился и источник. Никакими высокими технологиями он, разумеется, не пах — обычная деревянная посуда, из тех, которых много в любой деревне. Длинная, остроносая, как щука, доски внахлест. Очень прочная, очень тяжелая и в то же время, благодаря стремительным обводам, весьма скоростная. А на этой вдобавок еще и старенький «Вихрь» был установлен, так что по воде она даже не плыла — летела.

Человек, который управлял этой посудинкой, совершил серьезную ошибку. Вместо того чтобы подплыть тихонько или же изначально идти на моторе, он, заведя его в нескольких десятках метров от Виталия, тем самым привлек его внимание. А потому рыбак успел заметить, как незваный гость поднял со дна лодки ружье, и, бросив сеть, рухнуть на дно своей посудины. Очень вовремя, кстати. Ну и еще Виталию повезло, что у стрелка один ствол оказался заряжен пулей, а другой — крупной дробью. В результате пуля прогудела там, где он только что находился, а вот содержимое второго ствола лишь вспенило воду, изрядно не долетев до цели.

— Урод! — прохрипел Виталий и обозвал наглеца неблагозвучным китайским именем, а тело его, как всегда в минуты опасности, действовало четко и практически независимо от сознания.

Собственное ружье лежало рядом, и, недолго думая, он выпалил из обоих стволов вслед проносящейся мимо лодке. Попал, не попал, неясно. В человека точно не попал, поскольку тот, предусмотрительно отъехав подальше и сбросив скорость, начал разворачиваться, явно намереваясь продолжить морской бой. Хорошо видно было, как он перезаряжает ружье. Похоже, наступила пора драпать.

Горячий мотор завелся мгновенно, и Виталий рванул прочь со всех его десяти сил. Увы, смяться у него шансов не имелось, поскольку на стороне противника были и лучшие обводы плавсредства,

и более мощный двигатель. В такой ситуации меньший вес лодки практически не давал преимущества. Так что приходилось выкручивать газ до упора и одновременно трясущимися пальцами перезаряжать дедову еще двустволку. Хорошо, что трофейное, привезенное с войны ружье действовало безотказно, послушно выплюнув гильзы и позволив засунуть в стволы новые. Правда, к тому моменту, как это удалось сделать, рев мотора позади заметно приблизился, и шанс получить заряд картечи в спину стал реальностью.

Ну что же, сейчас поиграем. Страх первых секунд ушел, уступив место холодной, расчетливой злости. Место было подходящее. Поворот, еще поворот... Противник попытался срезать угол и — ура, мест этих он не знает! — закономерно влетел. Каменистая, с песочком коса, летом она торчит над водой, с нее удобно ловить язя. Ну а сейчас воды побольше, но все равно недостаточно. Моторка Виталия прошла четко по кромке, там, где резко начиналась глубина, а вот преследующий его урод на тяжелой, глубоко сидящей лодке закономерно влетел. Виталий еще увидел, как мотор подбросило от удара, и он отчаянно взвыл. И, судя по звуку, результат оказался именно тот, на который он и рассчитывал. Или лопасть сломало, или штифт срезало, а может, втулку провернуло. Какая разница, главное, противник остался практически без хода. Сдвоенный звук выстрела — для того, наверное, чтобы успокоить нервы. А вот это ты зря.

Круто положить руль, не торопясь подъехать к нахалу, пытающемуся лихорадочно перезарядить стволы...

— Слышь, дятел, ну-ка, брось дуру. Брось, я сказал, хунвейбин хренов!

Тот матюгнулся, зло и незамысловато, не спуская при этом замороженного взгляда с оружия в руках у Виталия. Все правильно, двенадцатый калибр сам по себе внушительен, а когда смотрит в лицо, то и вовсе загораживает весь мир. Виталий демонстративно опустил стволы, чтобы они смотрели в живот противнику:

— Давай-давай, а то яйца отстрелю.

— Слышь, мужик...

— Бегом!

Явственно слышный скрип зубов, стук упавшего на дно лодки оружия.

— А теперь вылазь. Живо, живо, тут неглубоко.

— Да...

Бабах! Пуля вдребезги разнесла пластиковый колпак двигателя и разворотила цилиндр. Скорость, с которой хозяин моторки сиганул за борт, была достойна чемпиона. Ну, вот и все, осталось зацепить лодку на буксир, вежливо помахать ручкой ее теперь уже бывшему владельцу и неспешно отплыть подальше. Ну а потом отправить трофейное ружье на дно, десятком ударов топора выбить пару досок из днища — и пускай утлый челн плывет себе, медленно погружаясь. Ну а его хозяин в насквозь мокрой одежде пусть себе чапает отсюда пешком, как раз остынет. До ближайшей

деревни километров пятьдесят, если напрямую, а по-хорошему все семьдесят. И до дороги столько же. А до противоположного берега, на котором обосновался Виталий, почти четверть километра по ледяной воде, так что больше об этом кадре беспокоиться нечего. Даже если выберется отсюда, запомнит, что не стоит грубить незнакомым людям.

Настроение резко поднялось. Зато через час, когда Виталий закончил проверять сети, вернулся в деревню и уже зашел в дом, его начало колотить. Только сейчас он осознал: в него стреляли, его на полном серьезе хотели отправить к праотцам, а он даже не озаботился выяснить, кто и за что. Последнее ничем, кроме стресса, объяснить не получалось, да и не хотелось. Навалилась апатия — тоже последствие стресса. Все же не каждый день тебя пытаются убить. Откровенно говоря, с Виталием подобное за последние несколько лет вообще произошло впервые. Рисковать шкурой — да, доводилось, но целенаправленно на его драгоценную жизнь в этих местах еще никто не покушался.

Бутылку водки он высосал в одно горло, словно воду. И — никакого опьянения, адреналин пережег все. День выглядел безнадежно испорченным. Вот только... почему?

— Не дождетесь, — зло выдохнул Виталий Третьяков, человек, изрядно помотавшийся по свету, умеющий и принимать решения, и рисковать. — Хрен вам.

Кому он это говорил, осталось тайной даже для него самого, да это было и неважно. Главное — встряхнуться, взять себя в руки, а там дело пойдет. И он не ошибся. Уже к вечеру дурные мысли отпустили. И рыбалка удалась. И шашлык. Единственно, теперь он на реке чаще оглядывался по сторонам и то и дело щупал рукой лежащее рядом ружье, но с этими полезными для жизни рефлексамы стоило смириться.

В среду он поехал домой, несмотря ни на что, отдохнувший и довольный. Собака, вольготно расположившаяся в багажнике, тоже выглядела довольной: набегалась, нагулялась, наловила мышшей... Есть у зверюги охотничьи инстинкты, чего уж там, и хотя большую часть жизни она проводит в теплой квартире, на коврикe (а когда хозяйина дома нет, на диване, это Виталий знал совершенно точно), попав на природу, она со страшной силой мышкует, гоняет белок, разоряет птичьи гнезда. И не боится медведя — нарывались как-то, хорошо, в августе, когда зверь сытый и ленивый.

И все же, когда машина начала усердно намаывать на колеса километры шоссе, мысли непроизвольно вернулись к той перестрелке. Каждый вечер возвращались, и сейчас тоже, и по-прежнему крутились вокруг единственного вывода: ничего не понятно.

Как и у любого человека, у Виталия были враги. Те, которые могут плюнуть в суп или при случае, если это не опасно, в спину. Вот только были они, по его мнению, мелочью пузатой, и ни один

из них не стал бы рисковать собственной шкурой. А на киллера, даже если у кого-то из них окончательно съехала крыша, они вряд ли наскребут. Да и потом, чтобы пойти на убийство, или даже на запугивание с применением оружия, нужно иметь серьезный повод и быть настоящим, с большой буквы Врагом. Ни того, ни другого у Виталия не имелось еще и потому, что он был самым обычным человеком, а не гендиректором крупной корпорации или носителем государственных секретов.

Человека, который в него стрелял, Виталий — он мог в том покаяться — видел впервые в жизни. А еще — и в этом Виталий тоже был уверен — тот был не из ближайшей деревни. Те, конечно, вполне могли учинить по пьяни разборку со стрельбой, просто решив, что городской ставит сети в исконно их местах, а потому мысль о беспредельщике из хлева появилась сразу же. Но здесь имелись два совершенно не вписывающихся в картину момента. Во-первых, расстояние до ближайшей деревни. Рыбы на реке не то чтобы богато, но хватает пока на всех, и бросок на такое расстояние просто-напросто не окупится никаким уловом. Можно наловить ближе и не хуже, не тратя горячее. Ну а во-вторых, по-трезвому местный на такое вряд ли пойдет, а тот, кто стрелял в Виталия, пьяным не был. Уж что-что, а этот нюанс он, проработавший не один год в обществе любителей принять на грудь чего-нибудь крепче чая, умел определять безошибочно.

Впрочем, через полчаса времени и полста километров расстояния Виталий решительно выбросил случившееся из головы. Для выводов слишком мало информации, так что нечего и гадать, забывая голову досужими предположениями. Пожалуй, больше всего его сейчас волновало, как бы тот ублюдок от тупой злости не поджег дом, но противодействовать этому он все равно никак не мог.

Стоило бы, конечно, в полицию заявить, но это ведь может и боком выйти. Сам-то тоже стрелял, могут и дело пришить. В моральных качествах стражей порядка, вернее, двойственности их стандартов, Виталий не сомневался ни на миг. Стало быть, отечественных, да и всех прочих сыщиков побоку, да и, опять же, незачем себя без нужды накручивать. И, врубив музыку, он вдавил педаль газа, с упоением чувствуя, как нарастает под капотом послушная ему мощь.

Квартира встретила его уютным теплом. Четыре комнаты, огромная кухня и, несмотря на собаку, очень чисто — жилище холостяка при деньгах. Псина сунулась было в комнату, но услышала окрик хозяина и дисциплинированно отправилась на свой коврик, отлеживаться, пока с лап не осыплется песок, а Виталий целеустремленно потопал на кухню — проголодался, пока ехал. И в этот момент запиликал оставленный на столе за ненадобностью (в паре километров от города связь все равно пропадала) мобильник...

Номер был тот же самый. И то же самое молчание в трубке. Вот только, в отличие от прошлого

раза, после случившегося это воспринималось несколько зловеще. И настроение, только-только окончательно пришедшее в норму, тут же вновь ухнуло вниз. Виталий пробежал глазами по списку вызовов, обнаружил среди пропущенных еще два с этого номера, и мысленно сплюнул. Вот еще не было печали...

Впрочем, больше его никто сегодня не беспокоил. Аж до самого вечера не беспокоил, когда Виталий все же вылез из глубокого мягкого кресла, в котором незаметно для самого себя благополучно задремал, и занялся прозой жизни. В частности, выгулом домашнего животного, которое отчаянно пританцовывало у двери, намекая, что если хозяин не поторопится, то кучу оно ему в подарок точно наложит. Учитывая, что характер у собаки просыпался иногда совершенно кошачий, запросто. Пришлось одеваться и, ворча под нос на ту сволочь, что когда-то подбросила аккурат под колеса машины коробку из-под обуви с крошечным меховым комочком, топтать на улице. Собака, натягивая поводок, бодро зарысила по лестнице впереди, периодически на поворотах задевая этим самым поводком за решетчатые перила советского образца. Те издавали возмущенный звук, немелодичный, но и не противный. Словом, все как всегда.

И во дворе все было как обычно. Разве что компания, распивающая пиво на детской площадке, незнакомая, но это и неудивительно: во-первых, Виталий к ним никогда не присматривался, а во-вторых, сюда периодически подваливает рассла-

бляющийся народ аж с трех соседних дворов. Дворничиха по утрам, убирая последствия таких расслаблений, материлась весьма изобретательно, жильцы, для чад которых и была, собственно, организована площадка, были с ней солидарны, но делу это помогало мало. Во всяком случае участкового, разгоняющего сборище, Виталий не видел здесь ни разу.

Собака, отпущенная с поводка, радостно зашуршала чем-то в кустах. Пришлось ее окликнуть, чтобы не сожрала ненароком какую-нибудь дрянь. И этим, очевидно, Виталий и привлек внимание расслабляющегося молодняка.

— Папаша, огоньку не найдется?

Судя по ленивой интонации, сказано это было без особой агрессии. Так, поугадать обывателя, но уж этаких орлов Виталий точно не боялся.

— Сынок, а тебе папа с мамой не говорили, что детям пора смотреть мультики и в кроватку бай-бай?

Компания дружно загоготала, а тот, говорливый, разом побагровел — хотя сумерки уже сгустились, фонарь работал, и картинку давал неплохую. Парнишка начал медленно вставать, явно намереваясь произвести впечатление. Получалось так себе — никакая качалка не сможет скрыть возраст, и за широкими плечами и короткой стрижкой а-ля крутой скрывался обычный шпаненок, на которого Виталий смотрел даже с некоторой жалостью. Мозгов нет — считай, калека.

— Слышь...

Что уж Виталий должен был услышать, так и осталось загадкой, поскольку из кустов не с лаем даже — с ревом — выпрыгнула его собака. Зверюга она была, конечно, не самая крупная, овчарке уж точно уступала, но когда на тебя, без разбега перемахнув забор, несется из темноты черная рычащая торпеда со вздыбленной шерстью, это производит впечатление. Парень от неожиданности шарахнулся назад и, забыв о том, что сзади скамейка, зацепился за нее ногами, позорно плюхнувшись на грязный песок. Остальные, напротив, повскакали с мест и тут же были бдительно облаяны. Собака Виталия еще никого не покусала, но кому попало знать об этом было совсем необязательно.

— Эй-эй, — тот молокосос, что был чуть старше и, видимо, за главного, вскинул в примиряющем жесте руки. — Мы тебя пугать не хотели...

— Последний, кто пытался меня всерьез напугать, — лениво и чуть презрительно отозвался Виталий, — был почти трех метров роста и весил где-то полтонны. Его шкура до сих пор висит у меня на стене. Если что, там хватит места и для ваших.

По всем законам жанра, стоило бы вообще этих четверых отсюда выгнать, но делать этого он не стал. Просто потому, что считал: каждый должен заниматься своим делом. В его обязанности разгон местной шпаны никак не входил, так что Виталий коротко свистнул псине и отправился с ней по своим делам. Ну а парни принялись успокаивать страшно матерящегося товарища. Тот сыпал

угрозами, но как-то безадресно, и последовать за собаководом с целью развития конфликта не пытался. Ну а Виталию было абсолютно все равно, что он там бормочет.

В этот момент и зазвонил опять телефон. Опять этот номер... Виталий подумал несколько секунд, решая, не отправить ли его в черный список раз и навсегда, но воспитание победило. Кнопка — не сенсор, как на новомодных смартфонах, а солидная и удобно ощущаемая пальцем деталь — вдавилась с легким усилием...

— Виталий Семенович!

— Слушаю, — голос был женский, молодой, немного испуганный и до странности знакомый, но кому он принадлежал, Виталий решительно не помнил.

— Виталий Семенович, это Катя.

— Что за Катя?

— Катя Никифорова. — Показалось, или в ее голосе мелькнуло разочарование? — Я...

— Не стоит, я понял. Простите, не узнал голос. Чем могу быть полезен?

— Виталий Семенович, вы могли бы подъехать к дому отца?

— Да, — сухо ответил он. — Завтра...

— Прямо сейчас!

— Гм... Это и впрямь так важно?

— Поверьте, очень. Я бы не стала вас беспокоить, но отец сказал, что, случись нужда, могу обращаться именно к вам. Он вам верит... верил. Я звонила несколько раз, но то шел какой-то

сбой, я вас слышала, вы меня нет, то никто не брал трубку.

— Меня не было в городе, — автоматически ответил Виталий, прикидывая уже, как лучше ехать. — Буду через полчаса. Устроит?

— Да, конечно, спасибо вам огромное.

— Пока не за что.

К дому Петровича он подъехал даже раньше, чем обещал. Тут, собственно, и ехать-то было всего ничего, особенно учитывая, что загруженность улиц у них далеко не столичная. Больше времени потратил, загоняя домой собаку — та упорно жаждала еще погулять и познакомиться с очередным блохастым приятелем. Но когда он въезжал во двор, то понял сразу две вещи: во-первых, звали его явно не зря, а во-вторых, он опоздал. Дом уже догорал...

Жил Петрович в старом доме, построенном еще в те далекие времена, когда город только начал появляться на карте. Отделка дощатая, под ней — дранка, а что уж там дальше, Виталий никогда не видел и даже интересоваться не собирался. Когда-то с этих двухэтажных, на один-два подъезда, домов начинался город, сейчас остались считанные экземпляры, периодически сносимые для расчистки мест под многоэтажки.

Дом, превратившийся сейчас в груды обгоревшего мусора, под расселение и снос должен был пойти года через три-четыре. Может быть. А может, и нет — гадать, что в головах у чиновников и как меняются их планы по распилу бюджета,

занятие неблагодарное. Во всяком случае, Петрович по этому поводу все шутил, что вряд ли дождется нормальной квартиры. Вот и не дождался. А сейчас и дома не стало, лишь толпились вокруг жильцы, разом лишившиеся всего, что только можно. Неудивительно, что вид у них был крайне потерянный.

Виталий выскочил из машины, поискал глазами Катю и ее мать, но, увы, не заметил даже намека. Пошарил в кармане, нашел телефон, набрал... «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Стоило ожидать. Черт!

Домой он вернулся лишь часа через два. Один. Девушку так и не нашел, что и неудивительно. Очень похоже, завтра в развалинах найдут два обгоревших трупа. Что здесь творится-то, черт возьми?

Сбросив пропахшую едким дымом одежду, он не меньше полчаса стоял под острыми, как иголки, струями душа, пытаясь смыть не столько грязь, сколько мерзкое ощущение безысходности. Когда вокруг тебя начинаются непонятки, это, в конце концов, переживаемо. Когда в тебя стреляют, но ты можешь ответить тем же, чувствуешь много чего, но помимо логичного для достаточно мирного человека вроде него страха есть и азарт, и адреналин в крови. А когда вот так, был человек, с которым ты несколько минут назад разговаривал, — и остались обгорелые скелеты... А еще когда ощущаешь, что ты сам во всем этом каким-то боком замешан, причем непонятно как... В общем, на душе было

мерзко, иначе и не скажешь. И душ здесь не помощник.

Растершись докрасна огромным махровым полотенцем, Виталий, сопровождаемый внимательным и, как всегда ему казалось, чуть насмешливым взглядом собаки, прошелся по гостиной, потом вздохнул и отправился на кухню, за чаем. Много-много заварки, кипяток, пара ложек малины — то, что надо. И — в кабинет, бросив по пути собаке ломоть колбасы. Поймала в полете и сожрала мгновенно, кто б сомневался. И куда в нее столько лезет... Спать все равно не захочется, нужно вначале успокоиться, а что для этого требуется? Вкусный чай, гигантский бутерброд и, естественно, работа, отвлекающая от лишних мыслей. Правда, работа дома так, для души, но не все ли равно.

В кабинете все было как всегда. Толстый, поглощающий звуки ковер на полу (собаке в эту комнату заходить строго воспрещалось, иначе заколебешься потом шерсть из длинного мягкого ворса вычищать), медвежья шкура на стене. Именно про этого зверюгу, добытого на Камчатке, он сегодня и вещал шпане. Зверя было откровенно жаль, но он первый нарвался, так что чувства пришлось отложить на потом, а тогда, видя несущуюся к нему с недвусмысленными намерениями тушу, Виталию оставалось лишь стрелять. На мысли, что характерно, времени уже не оставалось. Медведь упал только после двух выстрелов из ружья и трех пуль из казенного нагана, всаженных пря-

мо в башку. Когда эта гора мяса и зубов-когтей рухнула, не добежав всего-то пяти шагов до цели, незадачливый стрелок ощутил странную пустоту внутри и огромное желание присесть за ближайшими кустиками. Адреналин прямо через задницу выбивало, и так бывает, чего уж.

Проведя ладонью по меху, Виталий тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и бросил взгляд на стол, где уже третий месяц неопрятной грудой валялись привезенные из последней экспедиции (ну, как экспедиции — за хорошие деньги катали скучающих бездельников по местам, которые выглядели ну очень дикими) образцы. Притащил для личной коллекции, хотя такого барахла и без того полный шкаф. Но — не вынесла душа поэта, прихватил, куркуль несчастный. Привез, сложил на стол — и умотал на море, отдыхать. Потом много мотался по работе, вернулся — опять руки не дошли... В результате все покрылось тонким слоем пыли, хороший показатель того, насколько все это на самом деле нужно. И все равно порядок навести однозначно стоило.

Взгляд помимо воли мазнул по полке здоровенного книжного шкафа. Там, в обрамлении груды качественно обработанной целлюлозы, запечатлевшей гениальные (а чаще совсем даже наоборот) мысли авторов, стояли две модели. Подарок все того же Петровича, весьма увлекающегося самим процессом, но моментально охладевавшего к результату. Вот и раздаривал получившуюся красоту кому попало.

А красота и впрямь была, причем безо всяких скидок. Шикарный, с ярко-красным корпусом фрегат под всеми парусами, белыми, как снег. Петрович, когда его только сделал, с пеной у рта утверждал, что именно так и выглядела легендарная «Арабелла» капитана Блада. Впрочем, стоящая рядом модель, на взгляд Виталия, была куда интереснее.

Корабль этот, наверное, имел какие-то прототипы в реальности, но футуристичность его вида даже не намекала — открытым текстом говорила, что, собирая модель, Петрович вложил в нее максимум фантазии. И, надо сказать, у него получилось. В отличие от парусников, островам из плавающей стали довольно сложно придать романтический вид, но это утыканное орудийными башнями и ракетами чудовище почему-то навело на мысли о временах, когда морями владели настоящие мужчины, а не нынешние... американцы. Словом, модель удалась.

Виталий привычно дунул на винты, и они так же привычно закрутились на идеально подогнанных валах. Как обычно, четыре из пяти — центральный от ветра проворачиваться категорически отказывался, он и рукой-то с трудом крутился. Петрович, помнится, рассмеялся, когда сам увидел это в первый раз, но поправлять, естественно, не стал.

Как ни странно, при этих воспоминаниях печаль немного отступила. Вот так, жил хороший человек — и даже после смерти осталась от него память. Возможно, она и Виталия переживет. Жаль только, что... А, идет оно все к черту!

Отгнав начавшие забирать в неправильную сторону мысли, Виталий решительно сел за стол, подвинул к себе картонку, на которой лежала небольшая, на пару килограммов, друза горного хрусталя. Ничего интересного, если вдуматься, на полке их уже штук пять, и побольше, и формами интереснее. Стало быть, почистить — и подарить кому-нибудь. Или продать — у дилетантов, возмнивших себя коллекционерами, подобное барахло в цене. А пока...

Перебирая образцы, он так увлекся, что, подняв глаза на часы, удивился даже. Почти два часа ночи. Спать пора! Утром рано вставать. И сразу навалилась зевота. Что же, груда камней на столе и впрямь оказалась к месту. Во всяком случае, в сон Виталий провалился, как в глубокую черную яму, и никакие лишние мысли его больше уже не тревожили.

Утро добрым не бывает, особенно если оно начинается в шесть, а ты поздно лег и вообще любишь поспать. Но — увы, увы... Пришлось делать обязательную утреннюю пробежку с собакой, в спешном порядке собираться, вспомнить, что забыл побриться, в результате выйти чуть позже обычного и попасть в самый час пик. Так что в университет Виталий приехал, едва не опоздав, а потом еще две пары подряд с тоскливым видом наблюдал за вечно сонными рожами студентов.

И ведь попробуй сейчас голос на них повысь, с внезапной злостью подумал Виталий. Живо нач-

нут писать жалобы да в суд подавать. Ему-то что, а каково тем, кто здесь на постоянной работе? Вон, недавно один, этажом выше, попробовал остроумием блеснуть. У него студент число в квадрат возводил умножением на два. Ну, преподаватель у него и спросил:

— Почему ты не учишь математику?

А недоросль губу оттопырил и цедит:

— Мама говорит, что я гуманитарий.

— То есть знаешь три иностранных языка и французскую литературу?

— Н-нет...

— Какой ты гуманитарий, ты просто дурак.

И все, понеслось. Жалобы на оскорбление и прочая чушь. Хотя какое тут оскорбление? Голая правда. Конечно, не самым грамотным образом преподнесенная, планку таким дятлам опускать надо так, чтобы придраться не могли. Но все равно от этого правдой сказанное быть не перестало. И ведь не выгонишь их — сейчас вместо того, чтобы выпускать пускай немного, но профессионалов, политика требует, чтобы шел вал недоучек. Маразм. Впрочем, с теми, кто до этого довел, разговор еще будет. Не здесь и чуть позже...

Настроение, как всегда, немного улучшилось в промежутке между занятиями, когда народ собрался на традиционное чаепитие. Откровенно говоря, кафедральные девицы готовы были гонять чай с утра и до вечера, вот только заведующий кафедрой, мужик справедливый, но в общении тяжелый, этого пристрастия не понимал и живо

пресекал, заставляя несчастных женщин работать. Ну, или хотя бы делать вид, что работают.

По мнению Виталия, с отцом-командиром солидарного, им бы всем здесь не помешала небольшая встряска с разгоном балласта на пенсии. А то бабье вечно что-то имитирует. Говорят, что почти семьдесят процентов женщин имитируют похудение, здесь же сто процентов лаборантов имитировало работу. Но, увы и ах, не все так просто в этом мире. Учитывая же, что Виталий здесь не работал, а так, подрабатывал, он со своими советами не лез — дешевле обойдется.

Но огромные плюсы у чаепитий все же были. Во-первых, в женском обществе находиться вообще приятно (это если ты ни с кем не конфликтуете, разумеется), во-вторых, начальство оказалось в командировке. Пускай оно тебе вроде как постольку-поскольку, но все равно его отсутствие малость расслабляет и способствует неформальному общению. Посидишь здесь несколько минут — и точно будешь в курсе всех городских новостей и сплетен. Этим утром разговоры закономерно крутились вокруг ночного пожара. Город маленький, особых событий нет, так что удивляться нечему. Оставалось держать уши открытыми и впитывать информацию.

Ее, кстати, было не так уж и много, в основном невнятные слухи агентства ОБС*. Тем не менее кое-что Виталий из потока словесного

* ОБС — одна бабка сказывала (сленг 80-х).

мусора выловить сумел. Во-первых, пожар начался на втором этаже (Виталий мысленно сделал стойку — квартира Петровича располагалась именно там). Во-вторых, загорелось все и сразу, как бензином облитое. Ну, с этим можно было еще и поспорить — дому много лет, все сухое, и безо всякого бензина гореть будет как порох. Но это уже детали, главное, погибнуть там и впрямь можно было легко.

А вот о причинах пожара версий хватало. Разных, от неисправной электропроводки (которая, несомненно, и будет принята полицией, ибо дом старый, проводка — тоже, а «висяк» никому не нужен) до поджога, устроенного какими-нибудь риелторами для захвата ценной земли со всеми коммуникациями, да еще и практически в центре города. И, пожалуй, единственное, что бросалось в глаза только Виталию, это полное отсутствие даже намека на информацию о погибших. А уж ее-то наверняка стали бы, с приличествующими ситуации охами-вздохами, мусолить в первую очередь. Очень похоже, что скелеты пока не нашли, и это было странно — наверняка разбирать развалины начали сразу после того, как пожарные закончили работу. Не такая уж там высокая была температура, чтобы тела сгорели вместе с костями.

Когда новости уже начали обсуждать по второму кругу, в дверь без стука впорхнула худощавая девица лет двадцати пяти. Не студентка — те дрессированные, вначале стучатся, потом осторожно заглядывают, спрашивают, можно ли войти. Эта

вошла уверенно и имела на то все основания — как-никак тоже в университете работала, на кафедре физвоспитания. И ее появление здесь было обыденным, как восход или закат. Опять пришла, небось, за кого-то из подопечных спортсменов просить...

Предположение Виталия тут же подтвердилось. Девушка полезла в изящную, хоть и малость потрепанную сумочку, извлекла здоровенный, не всякому мужчине по руке, смартфон, ловко потыкав в него пальцем и найдя нужную информацию, громко спросила:

— Могу я видеть Третьякова Виталия Семеновича?

Все синхронно посмотрели на Виталия. Тот, усмехнувшись, пожал плечами:

— Можете видеть, а можете и не видеть. Все зависит от того, в какую сторону вы смотрите.

— Это вы? — девица смотрела на него едва не обвиняюще.

— Для начала: воспитанные люди, когда заходят, здороваются. Вас папа с мамой, наверное, не учили, но еще не поздно, пусть займутся.

Намек был прозрачный — и на отсутствие воспитания, и на то, что она сопля. Девчонка вспыхнула:

— Здрас-сте...

— А еще они представляются. А то ходят тут всякие, а потом ложки пропадают.

Девчонка вспыхнула еще сильнее. Спичку поднеси — сразу полыхнет. Но сдержалась — видимо,

цинично подумал Виталий, он ей очень нужен. И наверняка знала: то, что проходило с другими, здесь не прокатит. Виталию и на нее, и на ее заведующего кафедрой плевать с высокой колокольни. И в каких отношениях тот с ректором, тоже плевать. Так что сдержалась и, гордо вскинув голову, представилась:

— Саблина Виктория... Тихоновна. Старший преподаватель кафедры физвоспитания.

Вот так, показать, что и она не только что с пальмы слезла. Виталий с трудом сдержал улыбку, до того это выглядело забавно:

— Очень приятно. Третьяков. Чем могу быть полезен?

— Виталий... э-э-э... Семенович. У меня к вам вопрос. У вас учится студент по фамилии Йованович. И вы не принимаете у него экзамен. Могу я узнать причину?

— Йованович? Да, дурацкая фамилия, помню такую.

— Он серб.

— Да хоть китаец, — зевнул уже потерявший интерес к разговору Виталий. — Я эту фамилию только в ведомости и наблюдал. И ни разу — на лекции. Еще вопросы?

— Но он у нас учится по...

— Девушка, успокойтесь, не стоит так нервничать. Я прекрасно вижу, что вы ни в чем не виноваты, что на вас вышел международный отдел, которому за этих умников платят валютой. Мне — не платят, так что сами они на меня выйти

постеснялись, припахали вас. Поскольку он, скорее всего, еще и спортсмен, так?

— Баскетболист, — Саблина чуть расслабилась.

— Хороший? — сочувственно поинтересовался Виталий.

— Очень. Он нашу команду, университетскую, буквально с колен поднял.

— Видите, как здорово. Теперь готовьтесь, что или они сами играют, или пускай наколенники покупают.

— Зачем? — очевидно, сочувствующие интонации и смысл настолько не совпадали, что девушка не сразу поняла издевку.

— Ну, чтоб обратно на колени встать не так больно получилось. Поскольку ваш серб с невыразительной фамилией, конечно, может оказаться семи пядей во лбу и знать мой предмет от и до, я допускаю, что экзамен он сдать в состоянии. И я готов его принять, мне все равно, какая у него посещаемость. Но прежде чем выходить на экзамен, ему надо сделать восемь лабораторных работ и написать курсовик. Все это — мне, и торчать ради него лишнее время в этих стенах я не собираюсь. За оставшуюся до приказа неделю он физически не успеет выйти на экзамен. Еще вопросы?

— Павел Александрович...

— Мнение вашего заведующего ценно для всех, я верю, — благосклонным кивком головы прервал ее Виталий. — Но мне как-то важнее мое, личное. И ректором меня тоже пугать не стоит. Надо это ректору — пусть он и ставит, а я посмотрю, как

сей процесс будет выглядеть. И поскольку заведующий в командировке, через мою голову поставить тоже не получится. Еще вопросы?

— Вы...

Это «вы» получилось громким. Прямо крик души. И, естественно, Виталий не мог пройти мимо такого громкого обстоятельства.

— Я, я, натюрлих. И вообще, девушка, не надо кричать, вы не в постели. Понимаю, что вам хочется выглядеть перед своим подопечным всемогущей, но, увы, ничем не могу помочь. Я вон тоже хочу быть богом. Или хотя бы святым. Но — не получается никак. Очень женщины отвлекают.

За спиной раздались плохо скрываемые смешки — кафедральные барышни, похоже, наслаждались тем, как происходит отлуп вконец обнаглевших спортсменов. Саблина, очевидно, тоже сообразила, что здесь ей светит оказаться в роли разве что груши для оттачивания и без того острых языков, круто развернулась и, не прощаясь, выскочила из кабинета. Удивительно, как ей удалось изобразить грохот каблуков даже в мягких кроссовках.

Виталий с легким сожалением посмотрел ей вслед и вернулся к чаю — обычная словесная перепалка, не в первый раз его пытаются уговорить, застраховать или еще что. Не получалось — для того, чтобы давить на человека, который нужен университету больше, чем университет ему, требуется хороший крючок. И ни физруки, ни международный отдел его не имели.

Повернувшись к продолжавшим посмеиваться лаборанткам, он погрозил им пальцем:

— Девушки (кое-кто из этих «девушек» уже давно числился в рядах бабушек, но такова уж судьба лаборантов, по имени-отчеству к ним мало кто обращается), угомонитесь. В конце концов, эту малолетку натурально подставили. У них на кафедре отлично знали, что просить меня бесполезно, вот и послали самую молодую.

— Может, хотели, чтоб она тебя соблазнила? — хихикнула Ольга, числящаяся старшим лаборантом и давно заслужившая статус «аксакал, можно сказать, саксаул».

Виталий безразлично пожал плечами:

— Может быть. Хотя в этом случае могли бы выбрать крокодила и посимпатичнее, — и, переждав новую порцию смешков, встал. — Но вообще, ножки у нее очень и очень.

— Ну так! Гимнастка как-никак, вроде бы даже на Европе выступала.

Виталий подивился такой осведомленности, но развивать тему не стал. Пора было идти на занятие. Еще одна лекция — и все, домой! Выспаться, наконец!

Но кафедральные дамы не желали оставлять его в покое.

— Слушай, — Ольга изобразила свою фирменную улыбку. — Ты когда жениться-то собираешься?

— А зачем? — по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил Виталий.

— А мы, может, на свадьбе погулять хотим.

— Ну, так хотите, я ж не запрещаю.

— А в самом деле. Ты ж красавец-мужчина!

На тебя девки, небось, западают.

— Поправка: я — бывший красавец-мужчина, возраст не тот уже. Так что правильнее будет говорить «западали».

— Ой, да ладно тебе. Вон, Зоя из деканата тобой каждый раз, как звонит, интересуется.

— Зоя не ходила в тренажерный зал, потому что в двери зад не пролезал, — съязвил Виталий и, не дожидаясь возмущенных комментариев, выскочил за дверь.

Очень ему надо жениться, как же. А вот на занятие опаздывать не следовало.

Тот, кто говорит, что самый приятный звук в мире — это смех ребенка, никогда не слышал, как банкомат отсчитывает деньги. Главное, чтобы звук этот длился и длился — стало быть, и денег много... Но сейчас он прошелестел коротко и выплюнул пару тысячных купюр с каким-то даже брезгливым звуком. Виталий понимающе ухмыльнулся: все верно, много наличных таскать он не любил. Надо будет — картой расплатится, а эти — так, на текущие расходы.

Текущие расходы нашлись сразу же — машина жрала бензин не хуже пылесоса. Конечно, у бензинового атмосферника куча плюсов, один из которых — нормальная работа в мороз, когда соляр густеет и с трудом ползет от бака до двигателя.

В их климате этого уже достаточно, чтобы сделать выбор при покупке, но одного у дизелей не отнять: кушают они, как ни крути, почти вдвое меньше. Как представишь это — так и начнет тебя душить жаба. Впрочем, Виталий не жаловался. Вслух — уж точно.

Короткая, в три машины, очередь, обменять у кассирши деньги на чек, вставить заправочный пистолет в горловину... На все про все от силы десять минут. Давным-давно привычные действия, проходящие как-то даже мимо сознания. И сильное, вплоть до дерганья рулем, удивление, когда, только отъехав от заправки, Валерий услышал за спиной:

— Не дергаться! Ехать прямо!

То, что голос был женский, да вдобавок дерганый, с нотками испуга, эффект неожиданности не сгладило. Как бы не наоборот. Подпрыгнуть сидя, без помощи ног, усилиями одной задницы... Специально не получится, а тут аж головой по потолку слегка звезданулся. Однако же управления не потерял, а дорога была почти пустая, так что, хотя машина и вильнула, ничего страшного не произошло.

Короткий взгляд в зеркало.

— Катя, ты? Живая?

— Живая, живая, — в голосе проскочили едва заметные ворчливые нотки. Что же, главное, не истерит. — Поехали.

— Куда?

— К вам. Если не боитесь, конечно.

— Не боюсь. Мать где?

— Не знаю. Пожалуйста, не надо сейчас. Я потом все объясню. И извините, мне не к кому больше идти.

Через полчаса, когда они сидели в гостиной холостяцкой квартиры и пили кофе, девушка рассказала, что все же произошло вчера ночью. Почти сразу после того, как она позвонила Виталию, к ним в квартиру вломились какие-то люди в масках. Кто? Хрен их знает. Такие украшения для лица и камуфляж таскает и всевозможный мелкоэлитный спецназ, которого ныне будто грязи, и бандиты, опять же, мелкие. Их вроде бы вычистили давно, однако мало ли... Да и вообще, напялить чулок на голову могут все кому не лень. Причем дверь, что характерно, открыли своим ключом (или отмычкой, сделал в голове зарубку Виталий), не потревожив хозяев раньше срока. Ну а дальше — классика жанра. Правда, жанра отечественного, без английской утонченности или американской изобретательности. В смысле никакого тебе хлороформа, а просто кулаком в лицо. Хорошо еще, матери не было — попала в больницу. После смерти мужа сердце начало болеть. В кои-то веки серьезная болячка стала удачей, но зато дочери пришлось отдуваться за двоих.

Катерину долго расспрашивали о каких-то бумагах, но ответить она не могла — просто не знала, о чем речь, и даже несколько пинков по ребрам ситуацию не изменили. Тогда нападавшие обшарили всю квартиру, перевернув ее буквально с ног

на голову, после чего некоторое время спорили, что делать с женщиной. Кто-то предлагал просто уйти, кто-то — грохнуть ее за ненадобностью, но, как это часто бывает, сошлись на компромиссном варианте: уволокли ее с собой, запихнули в машину и увезли. Больше Катерина ничего не знала.

Позже ей, словно в голливудском кино, удалось сбежать. Как? Да просто, в общем-то. Те, кто их вывозил, запихнули девушку в багажник самой обычной «копейки». Таких машин по дорогам страны все еще бегает немало, стоят они меньше, чем можно выручить, продав их на металлолом, так что выбросить-спалить не жаль, и внимания не привлекают. Но есть у них одно слабое место, о котором, правда, знают немногие. Катерина, все детство хвостиком бегавшая за отцом и возившаяся с ним в гараже как раз вокруг подобного агрегата, знала.

Замок багажника у «копеек» имел не то чтобы дефект, а так, одну милую особенность. Если правильно толкнуть крышку, она открывалась самостоятельно, без ключа. Разумеется, делать это проще было снаружи, чем изнутри, в темноте, тесноте и парах бензина, но Катя справилась. Наверное, со страху. Крышка открылась, скорость была небольшой, и она сиганула на дорогу, а с нее бросилась в лес, благо начинался он от дороги в жалком десятке метров. Искать же человека в лесу, в темноте и без собак — занятие неблагоприятное.

Утром, сильно замерзшая (тонкого свитера в конце сентября оказалось явно недостаточно),

она кое-как вышла к дороге аккурат возле бензоколонки. Думала отсидеться возле гаражей, которые стояли буквально в нескольких метрах, и какое-то время даже честно этим занималась, но тут подрулил Виталий на своем пепелаце, и девушка, не долго думая, рискнула, благо стояла машина удобно. Наверняка попала в поле зрения камер, но, судя по тому, что тревогу никто не поднял, работники заправки на экраны не слишком смотрели.

Да уж, возможно, и так. Тем более что под глазом имелся подтверждающий ее слова шикарный бланш, да и на теле синяки — тоже. Во всяком случае, девушка не стала корчить из себя недотрогу и задрала свитер, показав следы, подозрительно смахивающие на те, что оставляют ботинки. Правда, насколько смог понять Виталий, били Катерину сильно, но неумело. Впрочем, это были только его домыслы, все же профи в этом деле он никогда не был.

Кстати, свитер был его собственный — длинный, точнее, растянутый, даже высокой Катерине доходящий почти до колен, толстый и теплый. Ее собственная одежда грудой валялась на полу в прихожей, мокрая и воняющая. И вопрос, что теперь делать с гостьей, стоял во весь рост. Но прежде следовало уточнить еще один момент.

— Вот ты скажи мне... — Виталий сделал паузу. — Почему ты мне звонила? Что случилось?

— Мне тоже звонили... Много раз. Звонили и требовали отдать бумаги.

— Какие?

— Не знаю... Да не знаю я! Что вы на меня так смотрите?

— Ну-ну, спокойно. Просто не понимаю.

Спокойный тон в зародыше подавил начинающуюся истерику, и Катерина, справившись с ней, пояснила:

— Я действительно не знаю. Просто отец, когда еще только заболел, сказал, что если случится что-то по-настоящему серьезное, то обратиться стоит к вам.

— Вот как? — Виталий удивленно поднял брови.

— Ну да. Он считал вас человеком, которому можно доверять и который не откажет. Говорил, что купить вас слишком дорого, а запугать не получится.

Что же, Петрович и впрямь неплохо знал Виталия. Не один год вместе проработали. И знал, что долги его бывший ученик отдавать умеет. Пусть так.

— Ладно. Овощ в помощь.

— В смысле?

— Хрен с тобой. Остаешься у меня. Места хватит, — он прихлопнул ладонью по столу. — Ты лучше скажи: до твоей матери не доберутся?

— В Питере?

— То есть? — не понял Виталий.

— Да у нее давно была запись на лечение туда, как раз срок подошел. Ну и...

Да, стоит признать, удачно совпало. Если болезнь вообще можно считать удачей. Разумеется,

при допущении, что на Катерину и впрямь наехали дилетанты, которым непонятно что потребовалось, то до Северной столицы они не доберутся. Если же, наоборот, кто-то чрезмерно хваткий, замаскировавшийся под мелких гопников, то разницы нет. Везде достанут, и на этой квартире, кстати, тоже. Рискованно, черт возьми. Но сдавать назад категорически не хотелось...

А еще было в этой истории пару моментов, которые Виталию не нравились категорически. Впрочем, об этом говорить пока было рано.

Жить нужно так, чтобы депрессия была у других. Увы, эти самые другие с такой постановкой вопроса часто бывают не согласны и начинают вносить в твои планы коррективы, причем, как это иной раз случается, из самых лучших побуждений. В этот раз индикатором такого вмешательства послужил телефонный звонок, раздавшийся аккурат под ухом и буквально выдернувший Виталия из объятий Морфея. А так как просыпаться он любил неспешно и плавно, желательно повалявшись в постели, то нынешнее пробуждение удовольствия однозначно не доставило.

Некоторое время Виталий настороженно смотрел на заливающуюся веселым писком трубку. После недавних событий телефонные звонки у него восторга не вызывали. Однако аппарат упорно не унимался. Пришлось взять, посмотреть на номер... Опять незнакомый! И не мобильный, кстати, но какому городу он принадлежал, вспомнить упорно